

К. Маркс об основных формах производственных отношений и развитии личности

Р.М. НУРЕЕВ

Важную роль в дальнейшем развитии исторического Материализма как целостного учения может и должно сыграть изучение сквозных комплексных вопросов, имеющих значение для всех формаций. К их числу, несомненно, относится вопрос об основных формах производственных отношений, выражающих различные типы социальности. Между тем учение об основных формах производственных отношений является недостаточно разработанной проблемой исторического материализма. Сложность выделения социально-философского аспекта проблемы объясняется, в частности, тем, что анализом ее занимается не только философия, но и политическая экономия, история и другие науки. Выделение философско-исторического аспекта проблемы затруднено и по причине общей неразработанности теории докапиталистических формаций. Вот почему большое значение приобретает творческое осмысление богатого Наследия классиков марксизма-ленинизма по этому вопросу.

В этой связи обращает на себя внимание принципиальное положение К. Маркса о трех крупных формах производственных отношений. Приведем его полностью. «Отношения личной зависимости (вначале совершенно первобытные),— пишет К. Маркс в «Экономических рукописях 1857—1858 годов»,— таковы те первые формы общества, при которых производительность людей развивается лишь в незначительном объеме и в изолированных пунктах. Личная независимость, основанная *на вещной* зависимости,— такова вторая крупная форма, при которой впервые образуется система всеобщего общественного обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенций. Свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние,— такова третья ступень. Вторая ступень создает условия для третьей. Поэтому патриархальный, как и античный строй (а также феодальный), приходят в упадок по мере развития торговли, роскоши, *денег, меновой стоимости*, в то **время** как современный общественный строй вырастает и развивается одновременно с ростом этих последних»¹.

Соотнося эти выделенные К. Марксом ступени развития человечества с формационным делением всемирной истории, мы видим, что первая **форма** охватывает докапиталистические формации, включая первобытнообщинную, вторая совпадает с капитализмом, третья — с коммунистической формацией². Каков же в таком случае критерий деления и какое значение имеет этот подход в рамках собственно философского анализа?

На наш взгляд, здесь К. Маркс характеризует производственные отношения не с точки зрения их характера (антагонистические или неантагонистические), не с точки зрения их социальной сущности (доклассовое, классовое и бесклассовое общество), а с точки зрения формы проявления системы производственных отношений, формы организации

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. 1, стр. 100—101.

² В. М. Межуев, характеризуя основные этапы развития культуры, также вытри этапа, при этом он объединяет в первый этап все докапиталистические фор-в том числе и первобытнообщинную. См. В. М. Межуев. Культура и исто- AL, 1977, стр. 114—124, 132—150, 185—186; В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзон в связи с анализом исторических типов социальности дают такое же деление всемирно-исторического процесса. См. В. Ж- К е л л е, М. Я. К о в а л ь з о н. Теория и история (Проблемы теории исторического процесса). М., 1981, стр. 164—165. ³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 8.

общественного производства (натуральное, капиталистическое и планомерное хозяйство), с точки зрения типа социальности (личная зависимость, вещная зависимость и свободная индивидуальность). Однако сами формы производственных отношений могут быть многообразны, и Маркс фиксирует лишь наиболее крупные, типические формы, позволяющие охватить историю человеческого общества в целом, не только показать преемственность развития, но и выделить качественные этапы в этом развитии. Наряду с фундаментальным делением развития человеческого общества на три основные ступени развития: доклассовое, классовое и бесклассовое — марксизм знает и другие типологии. В частности, деление на предысторию человеческого общества, охватывающую все докоммунистические способы производства и его действительную историю, начинающуюся с коммунистической формации. Рассматриваемая нами типология является производной от основной. Она связана с основными качественными этапами развития производительных сил (господством естественных производительных сил на первом этапе, общественных — на втором и всеобщих — на третьем) не непосредственно, а опосредованно, через форму ведения и организации хозяйства (господство натурального хозяйства на первом этапе, товарного — на втором и планомерного — на третьем). Общеизвестно, что форма хозяйства относительно самостоятельна, относительно независима от содержания производственных отношений. Действительно, натуральная форма, хозяйства, безраздельно господствовавшая в условиях первобытнообщинного строя, была основной, ведущей формой организации производства и в докапиталистических антагонистических формациях. Товарная форма хозяйства, возникшая еще на заре цивилизации, приобретает всеобщий характер лишь там и тогда, где и когда товаром становится рабочая сила, т. е. в условиях капитализма. Элементы планомерности возникают уже при капитализме, однако полный и всеобщий характер планомерности приобретает лишь в условиях коммунистической формации.

Естественно возникает вопрос о соотношении натуральной, товарной и планомерной форм хозяйства, с одной стороны, и отношений личной зависимости, вещной зависимости и свободной индивидуальности с Другой. Ответ на этот вопрос следует искать в соотношении политико-экономического и философско-исторического аспекта проблемы. Политическая экономия акцентирует внимание прежде всего на исследовании формы организации и функционирования общественного производства, взаимосвязи его элементов, характера связи между производством и потреблением и т. д. Исторический материализм акцентирует внимание на форме социальных связей и взаимозависимостей между людьми, социальными группами не только в общественном производстве материальных благ, но и вне его. Это не означает, конечно, что политическая экономия не должна изучать отношения личной зависимости, вещной зависимости и свободной индивидуальности, а исторический материализм — натуральную, товарную и планомерную формы ведения хозяйства. Безусловно, нет. Однако предложенное разграничение позволяет, на наш взгляд, расставить акценты, выделить преимущественный аспект изучения проблемы каждой из составных частей марксизма-ленинизма. В этой связи целесообразно подчеркнуть, что сами отношения личной зависимости, вещной зависимости и свободной индивидуальности достаточно сложны по своей структуре.

Необходимо учитывать, что отношения личной зависимости, вещной зависимости и свободной индивидуальности рассматривались классиками марксизма-ленинизма в узком и в широком смысле слова. Приведем в качестве примера характеристику личной зависимости, данную К. Марксом в «Капитале». Для того чтобы показать историческую определенность товарного фетишизма, К. Маркс сравнивает в четвертом параграфе первой главы 1 тома «Капитала: «светлый остров Робинзона» с «мрачным европейским средневековьем». «Вместо нашего независимого человека,— пишет К. Маркс,— мы находим здесь людей, которые все зависимы — крепостные и феодалы, вассалы и сюзерены, миряне и попы. Личная зависимость характеризует тут как общественные отношения материального производства, так и основанные на нем сферы жизни»³. Очевидно, что Маркс здесь

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 87.

характеризует личные отношения и в узком (как «общественные отношения материального производства»), и в широком смысле слова (как всю совокупность общественных отношений, как отношения, охватывающие все «сферы жизни»):

Отношения личной зависимости, вещной зависимости и свободной индивидуальности в узком смысле слова — это общественные отношения в материальном производстве, отношения, возникающие между людьми в процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных благ, складывающиеся на различных этапах развития человеческого общества. Они рассматриваются как основные формы докапиталистических, антагонистических производственных отношений. Отношения личной зависимости, вещной зависимости и свободной индивидуальности в широком смысле слова рассматриваются в качестве основных исторических типов социальности, определяющих детерминирующие деятельность человека в обществе механизмы и характеризующих образ жизни как проявление социального в индивидуальном⁴.

Разграничение двух аспектов изучения отношений личной зависимости, вещной зависимости и свободной индивидуальности имеет важное методологическое значение. Оно показывает ошибочность встречающейся в исторической и философской литературе точки зрения, рассматривающей отношения личной зависимости в качестве нематериальных, неэкономических отношений, противопоставляющей эти отношения производственным отношениям, а сами производственные отношения отождествляющей с отношениями вещной зависимости. Поэтому последовательное разграничение двух аспектов (отношений в узком и в широком смысле слова) позволяет избежать грубых методологических ошибок: во-первых, смешения базисных и надстроечных отношений и, во-вторых, искажения диалектики содержания и формы производственных отношений (отрыва формы от содержания при характеристике личной зависимости и отождествления содержания с формой при трактовке вещных отношений).

1. Личная зависимость

К. Маркс включает в понятие личной зависимости в узком смысле слова "производственные отношения, главным образом докапиталистических антагонистических обществ. Каково же в таком случае общеполитическое содержание «отношений личной зависимости в сфере производства»?⁵.

«Эти древние общественно-производственные организмы,— пишет К. Маркс в «Капитале», характеризуя докапиталистические способы производства,— несравненно более просты и ясны, чем буржуазный, но они покоятся или на незрелости индивидуального человека, еще не оторвавшегося от пуповины естественнородовых связей с другими людьми, или на непосредственных отношениях господства и подчинения»⁶.

Личная зависимость в узком смысле слова означает, по мысли К. Маркса, зависимость индивида от касты, сословия, класса и т. д. или отдельных его представителей по линии¹ производства, распределения, обмена и потребления материальных благ в условиях низкого уровня развития производительных сил," индивидуального, дообщественного характера процесса производства, господства натурального хозяйства.

Личная зависимость непосредственного производителя в процессе производства заключается в следующем.

Во-первых, в зависимости от естественно сложившегося или исторически развившегося коллектива в присвоении природных условий труда и жизнедеятельности (средств производства и жизненных средств). Вот как характеризует этот момент К. Маркс в «Экономических рукописях 1857—1858 годов».

1) Присвоение природного условия труда (*земли* как самого первоначального орудия

⁴ Подробнее см.: В. Ж. Келле, М. Я-Ковальзон. Теория и история (Проблемы теории исторического процесса), раздел I, гл. 3; В. Ж. Келле. История общества как процесс индивидуального развития человека, в сб. «Теоретико-методологические проблемы общественного развития». М.; 1982, стр. 18—20.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, стр. 99.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 89.

труда, лаборатории и хранилища сырья) происходит не при посредстве труда, а предшествует труду в качестве его предпосылки.

2) Однако это *отношение к земле как к собственности трудящегося индивида... сразу же опосредовало естественно сложившимся, в той или иной мере исторически развитым и видоизмененным существованием индивида как члена какой-либо общины, его естественно сложившимся существованием как члена племени и т. д.*⁷.

Во-вторых, в зависимости непосредственного производителя от коллектива или конкретных его представителей в самом, про *ite* с се производства. Направление деятельности, характер ее организации, масштабы производства были predeterminedены для непосредственного производителя заранее той локальной группой, тем микрокосмом, к которому непосредственный производитель, принадлежал. Поэтому производство в условиях личной зависимости всегда носило ограниченный, более или менее замкнутый, локальный характер. Место непосредственного производителя и его функция в процессе производства - цель и средства его деятельности, качество и количество выпускаемой продукции определялись не только уровнем развития производительных сил, но и конкретными индивидами: либо ассоциацией трудящихся, к которой данный индивид принадлежал (родовой или крестьянской общиной, ремесленным цехом и т. п.); либо — а в классово-антагонистических формациях прежде всего — представителями господствующего класса, в личной зависимости от которых непосредственный производитель находился (будь то сборщик ренты-налога азиатского государства, рабовладелец или феодал).

Подобная форма зависимости открывает на первый взгляд широкие возможности для экономического волюнтаризма, особенно в условиях докапиталистических антагонистических обществ. Кажется, нет объективных пределов, ограничивающих субъективные интересы господствующего класса, заинтересованного в увеличении эксплуатации непосредственных производителей, в присвоении во все больших размерах прибавочного продукта. Однако это не так. В условиях господства натурального хозяйства существовали границы двоякого рода; и в отношении цели производства и в отношении средств ее достижения.

Отсутствие общественного разделения труда, замкнутость, изолированность от внешнего мира, самообеспеченность средствами производства и рабочей силой, а также удовлетворение всех (или почти всех) потребностей за счет собственных ресурсов составляют главные черты натуральной формы хозяйства. Для такого хозяйства преимущественное значение имела потребительная стоимость, а не меновая, его целью было личное потребление, которое мало изменялось от одной эпохи к другой. И если в какой-нибудь общественно-экономической формации преимущественное значение имеет не меновая стоимость, а потребительная стоимость продукта, — пишет К. Маркс в «Капитале»,¹—то прибавочный труд ограничивается более или менее узким кругом потребностей, но из характера самого производства еще не вытекает безграничная потребность в прибавочном труде»⁹⁸.

Что же касается средств достижения цели класса эксплуататоров, то в условиях господства натурального хозяйства они также эволюционировали крайне медленно. Неизменной структуре потребностей способствовала и традиционность производственных пропорций. Технические изобретения и передовые производственные навыки, распространялись крайне медленно, так как в условиях господства натурального хозяйства уровень производительности труда одного хозяйства почти не оказывал влияния на другое. Непосредственные производители опирались на силу традиции в борьбе с любыми попытками эксплуататоров повысить степень эксплуатации. «...Господствующая часть общества,—пишет К. Маркс, характеризуя натуральнохозяйственные основы существования отработочной ренты,— заинтересована в том, чтобы возвести существующее положение в закон, и те его ограничения, которые даны обычаем и традицией, фиксировать как законные

⁷ К.- Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, стр. 473.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 247.

ограничения. Урегулированность и порядок являются именно формой общественного упрочения данного способа производства и потому его относительной эмансипации от просто случая и просто произвола»¹⁹.

Личная зависимость охватывала не только отношения непосредственного производства. Она распространялась и на отношения распределения, обмена и потребления. Принадлежность к тому или иному коллективу предопределяла место человека не только в производстве, но и в обществе, а следовательно, отражалась в его образе жизни, «стандартах» его бытия: масштабах личного богатства, размерах доходов, источниках их пополнения и т.д. и т.п. Распределение, обмен и потребление материальных благ приобретали форму личных отношений, закреплялись традицией, нормами права, морали, а иногда и политическими учреждениями, отражались в социальной психологии, освящались религией.

Следует различать два типа личной зависимости: 1) в первобытном обществе и 2) в классово-антагонистическом докапиталистическом обществе. Личная зависимость первого типа сохраняется в докапиталистических антагонистических формациях, но лишь в качестве подчиненного типа. Она модифицируется и в той или иной форме сохраняется как в рамках класса эксплуатируемых, так и в рамках класса эксплуататоров, что наглядно видно из приведенной выше цитаты, из I главы I тома «Капитала». Однако ведущим, определяющим типом становится личная зависимость непосредственных производителей от господствующего класса.

Изучение отношений личной зависимости имеет не только методологическое, теоретическое, но и практическое значение, так как отношения личной зависимости сохраняются в той или иной мере в большинстве освободившихся стран (племенные отношения, общинные традиции, кастовые пережитки и т. п.). Учет их является необходимым условием для выработки правильной стратегии и тактики коммунистических и рабочих партий в борьбе за некапиталистический путь развития развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки.

2. Вещная зависимость

Наибольшее внимание К. Маркс уделял в своих произведениях изучению отношений вещной зависимости. В основе развития процесса овещствления производственных отношений лежит развитие товарного производства и обращения. К. Маркс различает отношения вещной зависимости как форму производственных отношений и как ступень в истории человеческого общества, которую он называет «личная независимость, основанная на вещной зависимости». Отношения вещной зависимости как формы производственных отношений развиваются как следствие развития товарного производства, они существовали с момента разложения первобытнообщинного способа производства. Самостоятельную ступень они образуют лишь тогда, когда товаром становится рабочая сила и товарные отношения приобретают всеобщий характер, т. е. в условиях капиталистического способа производства.

«Буржуазия, повсюду, где она достигла господства,— пишут К. Маркс и Ф. Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии»,— разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения. Безжалостно разорвала она пестрые феодальные путы, привязывавшие человека к его «естественным повелителям», и не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного «чистогана». В ледяной воде эгоистического расчета потопила она священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности. Она превратила личное достоинство человека в меновую стоимость и поставила на место бесчисленных пожалованных и благоприобретенных свобод одну бессовестную свободу торговли»¹⁰.

Методологически и теоретически правильное понимание отношений вещной

⁹ К- Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 366^3К.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 426. «Человек перестал быть рабом человека и стал рабом *вещи*...» К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 605.

зависимости было выработано классиками марксизма-ленинизма на базе раскрытия диалектики материальной основы и социальной формы товарного производства, последовательного разграничения понятий «опредмечивание» и «овеществление» человеческой деятельности. Понятие «опредмечивание» употребляется К. Марксом для характеристики процесса труда. «Во время процесса труда труд постоянно переходит из формы деятельности в форму бытия,— пишет К. Маркс в «Капитале»,— из формы движения в форму предметности»¹¹. Трудовая деятельность человека предметна. Человек сознает законы природы, «распредмечивает» природу, наполняет себя предметностью окружающего мира и в то же время в ходе трудового процесса в соответствии с познанными законами реализует намеченные им цели, «опредмечивает» себя. Поэтому «всякое производство,— по мысли К. Маркса,— есть некоторое опредмечивание индивида»¹².

Вся история человеческого общества есть история предметной деятельности, но лишь на определенной ступени развития человечества (а именно в условиях господства товарного хозяйства) производственные отношения фетишизируются, мистифицируются, овеществляются.

Подведем некоторые итоги. Опредмечивание — это материализация целесообразной деятельности человека (человечества) в процессе труда, в процессе, совершающемся между человеком (обществом) и природой. Овеществление — это процесс превращения предметов в вещи, господствующие над людьми, это процесс, в котором проявляется господство продуктов труда как над отдельными товаропроизводителями, так и над обществом товаропроизводителей в целом. Таким образом, опредмечивание и овеществление лежат в разных плоскостях, отражают разные стороны процесса производства. Опредмечивание — это проявление деятельной сущности человека, это всеобщее свойство человеческой деятельности, присущее производительной силе труда, процессу труда как таковому на любой ступени его развития. Овеществление — это характеристика социальной стороны процесса производства и притом на вполне определенной ступени развития, а именно в условиях товарного хозяйства, это характеристика специфической формы товарных производственных отношений.

Различение предметно-созидательной и социально-созидательной роли труда, опредмечивания и овеществления имеет важное методологическое и теоретическое значение для критики буржуазных, мелкобуржуазных и ревизионистских теорий. Для буржуазных ученых характерно смешение технико-экономических и социально-экономических отношений, опредмечивания и овеществления человеческой деятельности. Буржуазная наука, начиная с XVII века, стремилась свести сложные производственные отношения к простым. Классикам буржуазной политической экономии с помощью анализа удалось вскрыть материальную основу многих овеществленных общественных форм, в частности свести стоимость к труду, капитал — к средствам производства, заработную плату — к средствам существования, прибыль — к неоплаченному труду, процент — к части прибыли и т. д.¹³ Однако даже классикам английской буржуазной политэкономии в лице ее лучших представителей А. Смита и Д. Рикардо не удалось показать исторически определенный характер овеществления производственных отношений, объяснить, почему и при каких условиях общественный труд становится субстанцией стоимости, средства производства приобретают форму капитала и т. д. Смешение же разных сторон процесса производства,

¹¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 200. Многие советские философы считают, что «опредмечивание» — одно из основных понятий в «Капитале» К. Маркса. Однако, как справедливо замечает Г. С. Батищев, «систематическое смешение в имеющихся русских переводах «опредмечивания» с «овеществлением» препятствует пониманию его смысла и значения». См. сб. «Проблема человека в современной философии»: М., 1969, стр. 99.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, стр. 171. «„Все развитие со временных средств труда правомерно рассматривать как опредмечивание, материализацию уровня развития совокупной рабочей силы». (Г. А. Багатурян. Категория «производительные силы» в теоретическом наследии Маркса и Энгельса. «Вопросы философии», 1981, № 9, стр. 108).

¹³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 398.

сведение социально-экономических отношений к технико-экономическим, овеществления к опредмечиванию стало для вульгарной буржуазной политической экономии и ревизионистских теорий важным средством апологетики капитализма, доказательства его «универсального», «внеисторического» характера.

В чем же заключается общефилософский смысл понятия «личная независимость, основанная на вещной зависимости»?

Личная независимость проявляется в том, что присвоение средств производства и жизненных средств не опосредовано при капитализме принадлежностью человека к какому-нибудь коллективу. Каждый товаропроизводитель производит на свой страх и риск и сам определяет, что, как и сколько производить, кому, когда и при каких условиях реализовать произведенную продукцию. Однако эта формальная личная независимость имеет в качестве своей основы всестороннюю вещную *зависимость* от других товаропроизводителей (и прежде всего зависимость по линии производства и потребления материальных благ). «Наши товаровладельцы открывают, таким образом, что то самое разделение труда, которое делает их независимыми частными производителями,— пишет К. Маркс,—делает в то же время независимыми от них самих процесс общественного производства и их собственные отношения в этом процессе, что независимость лиц друг от друга дополняется системой всесторонней вещной зависимости».¹⁴

Вещная зависимость в отличие от личной складывается уже не в рамках ограниченной, локальной общности, а в масштабе всего общества. Зависимость эта проявляется на поверхности в сфере обращения, в обмене товаров. Конечная цель простого товаропроизводителя (удовлетворение своих потребностей) и непосредственная цель (реализация стоимости произведенной продукции) не совпадают ни по времени, ни по месту, ни по существу. Более того, эти цели прямо противоположны. Не совпадают и цели данного производителя с целями других товаропроизводителей. Но товаропроизводители — не Робинзоны. Именно в обществе и посредством него они должны существовать. Поэтому каждый, преследуя свой частный интерес, в конечном счете в целях удовлетворения своих потребностей должен в то же время служить частным потребностям других, удовлетворять их интересы. «Каждый обслуживает другого, чтобы обслужить самого себя; каждый взаимно пользуется другим как своим средством... Каждый, таким образом, делает себя бытием для другого, будучи бытием для себя...»¹⁵. В этом обществе атомизированных, обособленных друг от друга частных производителей общественные условия производства (общественное разделение труда, характер и величина общественной потребности и т. п.) складываются за их спиной, независимо от их воли и желания и проявляются как стихийные разрушительные силы через единственную связь, оставшуюся между производителями, через связь вещей (товаров, денег и т. д.).

«Общественный характер деятельности, как и общественная форма продукта, как и участие индивида в производстве,— пишет К. Маркс,— выступает здесь как нечто чуждое индивидам, как нечто вещное; не как отношение индивидов друг к другу, а как их подчинение отношениям, существующим независимо от них и возникающим из столкновения безразличных индивидов друг с другом. Всеобщий обмен деятельностью и продуктами, ставший жизненным условием для каждого отдельного индивида, их взаимная связь представляются им самим как нечто чуждое, от них независимое, как некая вещь. В меновой стоимости общественное отношение лиц превращено в общественное отношение вещей, личная мощь •—в некую вещную мощь»¹⁶.

Товарный и денежный фетишизм составляет первую крупную ступень развития отношений вещной зависимости, соответствующую простому товарному производству и обращению; фетишизм капитала, приобретающий всеобщий характер в условиях

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 118.

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, стр. 190.

¹⁶ Там же, стр. 100.

буржуазного общества,— вторую. Конкретными объективными формами проявления отношений вещной зависимости являются овеществление лиц и персонификация вещей.

Овеществление лиц заключается в том, что товар (вещь) выступает как форма взаимосвязи обособленных в рамках общественного разделения труда товаропроизводителей, отношения между которыми носят не личный, а вещный характер.

Персонификация вещей означает, что вещи в условиях товарного хозяйства превращаются как бы в самостоятельных субъектов определяют положение человека в обществе. Так как собственность на свой товар является предпосылкой обмена, условием получения **другого** товара, то кажется, что товар сам по себе обладает свойством обмениваемости на другие товары.

Наряду с объективными формами проявления товарного фетишизма еще и субъективные формы: обожествление вещей и стремление вывести общественные свойства вещей из их естественных свойств. Эти формы характерны и для религиозного фетишизма, когда люди обожествляли непознанные силы природы, будучи не в состоянии их рационально, научно объяснить. Однако в отличие от религиозного фетишизма объектом преклонения в условиях товарного хозяйства является не природа, а продукт человеческого труда. «Производительное воздействие человека на природу,— пишет Г. В. Плеханов,— порождает новый род зависимости человека, новый вид его рабства: *экономическую ость*. И чем более растет власть его над природой, чем более развиваются его производительные силы, тем более упрочивается это рабство: *с развитием производительных сил усложняются взаимные отношения людей в общественном производительном процессе; ход процесса совершенно ускользает из-под их контроля, производитель оказывается рабом своего собственного произведения...*»¹⁷. В заключение следует указать, что в изучении отношений вещной зависимости имеются три методологических недостатка в существующей ныне учебной и методической литературе.

Во-первых, изучение отношений вещной зависимости ограничивается, как правило, лишь темой «Товарный фетишизм», а не проводится «следовательно через все категории, характеризующие превращенные формы буржуазной экономики.

Во-вторых, в изучении самой темы «Товарный фетишизм» акцент обычно делается не на отношениях вещной зависимости как второй крупной формы производственных отношений, отражающей внутренние противоречия развития общества, а на фетишизме товаров, что существенно снижает познавательное значение темы, препятствует пониманию ее места в общей теории марксизма.

В-третьих, отсутствует связь между понятиями «отношения вещной зависимости» и «отчуждение труда». В оценке категории «отчуждение труда» в настоящее время наблюдаются крайности: большое внимание к ней в философской литературе¹⁸ и почти полное игнорирование ее в экономической литературе¹⁹. Каково же реальное социально-экономическое значение этой категории? Отметим в связи с нашим анализом отношений вещной зависимости в узком смысле слова следующее обстоятельство. В отличие от предшествующих философов К. Маркс наполняет категорию «отчуждение труда» исторически определенным социально-экономическим содержанием, трактует частную собственность как форму отчужденного труда²⁰.

К. Маркс различает частную собственность мелкого товаропроизводителя, имеющую

¹⁷ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения в пяти томах, т. 1. М., 1956, стр. 690.

¹⁸ См., например, М. М. Розенталь. Диалектика «Капитала» К. Маркса. Изд. 2-е. М., 1967, гл. 6: «Проблема человека в современной философии». М., 1969, стр. ПО—135; «История марксистской диалектики. От возникновения марксизма до ленинского этапа». М., 1971, стр. 46—60; И. Ф. Смольянинов. Проблема человека в марксистско-ленинской философии и эстетике. М., 1974, стр. 147—159; Н. И. Лапин. Молодой Маркс. Изд. 2-е. М., 1976, стр. 299—312, 324—347; «Марксистская философия в XIX веке». Книга первая. М., 1979, стр. 104—124, 396—401 и др.

¹⁹ Одним из немногих исключений является рассмотрение данной проблемы в книге В. П. Шкредова. Метод исследования собственности в «Капитале» К. Маркса. М., 1973, стр. 24—31.

²⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 42, стр. 86—99.

в качестве своего основания собственный труд, и капиталистическую частную собственность, базирующуюся на присвоении чужого неоплаченного труда. В первом случае отчуждение своего труда выступает как предпосылка присвоения чужого труда, труда другого товаропроизводителя, как необходимое условие товарообмена. «Обращение, — пишет К. Маркс в «Экономических рукописях 1857—1858 годов», — есть такое движение, в котором всеобщее отчуждение выступает как всеобщее присвоение, а всеобщее присвоение — как всеобщее отчуждение»²¹. Поэтому в «Капитале» К. Маркс рассматривает деньги как отчужденную форму всех товаров²².

В условиях капитализма происходит превращение законов собственности товарного производства в законы капиталистического присвоения. Капиталистическая частная собственность предполагает в качестве своей основы уже не собственный труд товаропроизводителя, а присвоенный чужой неоплаченный труд, накопленный труд наемных рабочих. Социально-экономический аспект категории «отчуждение труда» может быть сведен к двум моментам. Отчуждение труда рассматривается К. Марксом, во-первых, со стороны товарной формы продукта и выступает как условие присвоения, как его оборотная сторона, как способ связи товаропроизводителей, как форма проявления исходного отношения капитализма; во-вторых, со стороны капиталистического содержания — как характеристика капиталистической эксплуатации, как следствие господства буржуазии, как форма проявления основного производственного отношения капитализма.

Таким образом, мы видим, что категория «отчуждение труда» характеризует различные аспекты сложившегося при капитализме господства прошлого труда над живым, продукта труда над деятельностью, вещи над человеком. Поэтому понятие отчужденного труда может быть соотнесено с характеристикой капитала не как результата, а как предпосылки процесса производства²³. Категория «отчуждение труда» помогает раскрытию понятия «капитал = фетиш»²⁴.

Подведем итоги. Овеществление производственных отношений товаропроизводителей выступает как зародыш отчуждения труда. Уже в условиях простого товарного хозяйства имеют место элементы отчуждения (всеобщее отчуждение продуктов собственного труда, деньги как отчужденная форма всех товаров, обособленность и отчужденность товаропроизводителей друг от друга и т. д.), однако в полном объеме процесс отчуждения труда развивается при капитализме. Поэтому категория «отчуждение труда» имеет важное методологическое значение как для характеристики фетишистской формы производственных отношений при капитализме, так и для понимания социализма как преодоления отчуждения труда²⁵.

3. Свободная индивидуальность

Почему наряду с отношениями личной и вещной зависимости назвал отношения свободной индивидуальности в качестве формы производственных отношений, в качестве ступени, соответствующей коммунистической формации?

Во-первых, потому, что отношения свободной индивидуальности знаменуют этап,

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, стр. 141.

²² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 143.

²³ «Что такое капитал, рассматриваемый не как результат, а как предпосылка процесса? Что делает его капиталом еще до того, как он входит в процесс, так что последний только развивает его имманентный характер? Та общественная определенность, в которой он существует: живому труду противостоит прошлый труд, деятельности-продукт, человеку — вещь, труду противостоят его собственные предметные условия, противостоят как чуждые, самостоятельные, прочно обособившиеся субъекты или персонификации, противостоят, короче говоря, как *чуждая собственность* и в этой форме; — как «применяющие» самый труд и «распоряжающиеся» самим трудом, который они себе присваивают, вместо того чтобы он их присваивал себе» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. III, стр. 498).

²⁴ «...В капитале, приносящем проценты, представление капитала-фетиша завершено... Продукт прошлого труда, даже сам прошлый труд здесь уже сам по себе чреват частью настоящего или будущего живого прибавочного труда» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, стр. 438—439). Подробнее о капитале-фетише см; В. П. Шкредов. Указ, соч., стр. 144—179, 224—233.

²⁵ Развернутую характеристику социализма как преодоления отчуждения труда дает Р. И. Косолапов. См. Р. И. Косолапов. Социализм: к вопросам теории. Изд. 2-е М.; 1979, гл. II.

отрицающий и отношения личной зависимости и отношения вещной зависимости, выступающий как отрицание отрицания, личной зависимости существовали в условиях господства естественных производительных сил. Они характеризовали такой этап развития человечества, когда индивид мог развиваться лишь в рамках ограниченного, локального коллектива, от которого он зависел. Отношения личной независимости, основанной на вещной зависимости, знаменовали такой уровень развития производительных сил, когда под влиянием общественного разделения труда происходит обособление производителей. И они уже не нуждаются в той или иной форме естественно сложившейся или исторически развившейся коллективности, перерастают рамки. Однако вместе со становлением универсальных отношений и всесторонних потребностей развивается всесторонний процесс овеществления производственных отношений, происходит полное отчуждение сущностных сил человека от него самого, превращение их в чуждую и господствующую над ним силу. Отношения свободной индивидуальности знаменуют этап, для которого характерно возрастающее господство как над силами природы, так и над общественными силами, вышедшими из-под власти общества и действующими наиболее разрушительно в период капиталистических кризисов перепроизводства. «То объединение людей в общество, которое противостояло им до сих пор как навязанное свыше природой и историей,— пишет Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге»,— становится теперь их собственным свободным делом. Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самих людей. И только с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и все возрастающей мере и те следствия, которых они желают. Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы»²⁶.

Во-вторых, потому, что отношения свободной индивидуальности являются внешним проявлением отношений коллективности—основы коммунистического способа производства. «Само собой разумеется,— пишет Ф. Энгельс,— что общество не может освободить себя, не освободив каждого отдельного человека»²⁷. И диалектика процесса такова, что это освобождение каждого отдельного человека, это развитие свободной индивидуальности возможно лишь в коллективе и посредством него, лишь в рамках ассоциации, охватывающей все общество. «Только в коллективе индивид получает средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задатков, и, следовательно, только в коллективе возможна личная свобода. В существовавших до сих пор суррогатах коллективности — в государстве и т. д.— личная свобода существовала только для индивидов, развившихся в рамках господствующего класса, и лишь постольку, поскольку они были индивидами этого класса. Мнимая коллективность, э которую объединялись до сих пор индивиды, всегда противопоставляла себя им как нечто самостоятельное; а так как она была объединением одного класса против другого, то для подчиненного класса она представляла собой не только совершенно иллюзорную коллективность, но и новые оковы. В условиях действительной коллективности индивиды обретают свободу в своей ассоциации и посредством ее»²⁸.

В-третьих, потому, что свободная индивидуальность есть непосредственная форма проявления главной цели и основного средства развития общественного производства в условиях коммунистической формации — универсального развития личности. «...Коммунистическое (социалистическое) общество *планомерно подчиняет общественное производство достижению полного благосостояния всех членов общества и свободного всестороннего развития личности каждого, что и обуславливает непрерывное развитие самого общественного производства. Это есть основной экономический закон*

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 295.

²⁷ Там же, стр. 306

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 75.

коммунистического (социалистического) общества»²⁹. Уже в условиях развитого социализма законом жизни становится «забота всех о благе каждого и забота каждого о благе всех»³⁰.

Вследствие неразвитости теории основных форм производственных отношений не проводится четкого и последовательного разграничения понятий «универсальное развитие личности» и «свободная индивидуальность», нередко они отождествляются. Однако такое отождествление методологически и теоретически несостоятельно. Очевидно, что далеко не всякая индивидуальность, даже формально свободная, является личностью, а личность далеко не всегда является свободной. Отсюда становится ясно, почему понятия индивидуальности и личности различаются в современной марксистской социологии. Эти понятия характеризуют разные стороны: универсальное развитие личности — содержание, а свободная индивидуальность — форму.

Свободная индивидуальность — активная форма, ведь универсальное развитие личности не происходит само собой. Оно не может быть сведено лишь к присвоению накопленных материальных и духовных богатств. Оно возможно лишь тогда, когда каждая индивидуальность свободно, активно участвует в процессе производства, в процессе строительства материально-технической базы коммунизма, в процессе развития социалистических производственных отношений в коммунистические³¹. «У нас есть немало примеров творческой работы, подлинно хозяйского отношения к народному добру,— говорил Генеральный секретарь нашей партии товарищ Ю. В. Андропов на ноябрьском (1982 г.) Пленуме ЦК КПСС.— Но этот опыт, к сожалению, не находит должного распространения. А между тем зачастую здесь не требуется особых затрат. Значит, не хватает другого — инициативы, решительной борьбы с бесхозяйственностью, с расточительством.

Разумеется, решить эту задачу можно лишь при участии каждого рабочего, каждого труженика наших предприятий, наших колхозов и совхозов. Надо добиться того, чтобы они воспринимали эту задачу как свое собственное дело»³². Лишь активная сопричастность к коммунистическому строительству является необходимым условием выявления творческих дарований и способностей человека, универсального развития личности. Обращение к классическому наследию основоположников марксизма-ленинизма, в частности к трудам К. Маркса, дает ключ к решению актуальных проблем коммунистического строительства.

²⁹ Курс политической экономии в двух томах. Изд. 3-е, т. II, М., 1974, стр. 126.

³⁰ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1977, стр. 4.

³¹ «Свобода есть реальная возможность, которая может осуществляться лишь при наличии активности со стороны личности». Р. И. Косолапов. Указ, соч., стр. 192.

³² «Материалы Пленума ЦК КПСС 22 ноября 1982 года. М., 1982, стр. 11.